

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аутентичность личности в системе культурных координат: предварительное исследование в России и Узбекистане**Герц А.Б.¹**¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия**Аннотация**

Введение / Проблема: Аутентичность рассматривается как один из ключевых факторов психологического благополучия, однако ее связь с культурным контекстом, особенно в рамках сравнительных исследований, остается недостаточно изученной. Несмотря на рост интереса к кросс-культурным аспектам аутентичности, механизмы ее проявления в различных культурных средах исследованы фрагментарно. **Цель:** выявить кросс-культурные различия в уровне и компонентах аутентичности у представителей России и Узбекистана, а также определить ее связи с типами воспринимаемой культуры в рамках модели Г.Триандиса (горизонтальный и вертикальный индивидуализм и коллективизм). **Методы:** в исследовании приняли участие 149 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 23,4$; $SD = 4,1$), из них 74 участника из России и 75 — из Узбекистана. Использовались Московская шкала аутентичности, краткая версия опросника аутентичности Керниса — Голдмана и методика оценки воспринимаемой культуры сообщества. Анализ проводился в рамках сравнительного кросс-культурного дизайна. **Результаты:** установлено, что российская выборка продемонстрировала более высокие показатели общей аутентичности и ее компонентов — осознанности, поведения и отношений. Горизонтальный индивидуализм обнаружил устойчивые положительные связи со всеми аспектами аутентичности. Горизонтальный коллективизм также положительно связан с общей аутентичностью, осознанностью и отношениями. Вертикальный коллективизм продемонстрировал отрицательные связи, тогда как вертикальный индивидуализм статистически значимых связей не показал. **Выводы:** полученные результаты подтверждают, что аутентичность не является исключительно индивидуалистическим феноменом и может проявляться в условиях эгалитарного коллективизма. Культурный контекст оказывает дифференцированное влияние на компоненты аутентичности, в большей степени затрагивая межличностные аспекты. Исследование уточняет условия аутентичного самовыражения в различных социокультурных средах и создает основу для дальнейших кросс-культурных исследований аутентичности.

Ключевые слова: аутентичность, диспозициональная аутентичность, культура, образы воспринимаемой культуры

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-18-00394, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/10465721>

Ссылка для цитирования

Герц А.Б. Аутентичность личности в системе культурных координат: предварительное исследование в России и Узбекистане. Психологические исследования. 2026. Т. 19, № 108. С. 6. URL: <https://psystudy.ru>

Адрес статьи: <https://doi.org/10.54359/ps.v19i108.2213>

Поступила в редакцию 27.11.2025

Поступила после рецензирования 11.01.2026

Принята к публикации 08.06.2026

Опубликована 31.08.2026

Personality authenticity in a cultural coordinate system: A preliminary study in Russia and Uzbekistan

Gerts A.B.¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

Introduction / Problem. Authenticity is regarded as one of the key factors of psychological well-being; however, its relationship with cultural context, particularly in comparative research, remains insufficiently explored. Despite growing interest in the cross-cultural aspects of authenticity, the mechanisms through which it manifests itself in different cultural environments have been studied only fragmentarily. **Objective.** The aim of the study was to identify cross-cultural differences in the level and components of authenticity among participants from Russia and Uzbekistan, as well as to examine its associations with perceived cultural types within G. Triandis's model of horizontal and vertical individualism and collectivism. **Methods.** The study involved 149 respondents aged 18–35 years ($M = 23.4$; $SD = 4.1$), including 74 participants from Russia and 75 from Uzbekistan. The following instruments were used: the Moscow Authenticity Scale, the short version of the Kernis–Goldman Authenticity Inventory, and the Perceived Community Culture Assessment Method. Data were analyzed within a comparative cross-cultural design. **Results.** The Russian sample demonstrated higher levels of overall authenticity and its components, including awareness, behavior, and relational orientation. Horizontal individualism showed consistent positive associations with all aspects of authenticity. Horizontal collectivism was also positively associated with overall authenticity, awareness, and relational orientation. Vertical collectivism demonstrated negative associations, whereas vertical individualism showed no statistically significant associations. **Conclusions.** The findings suggest that authenticity is not an exclusively individualistic phenomenon and may also manifest under conditions of egalitarian collectivism. Cultural context has a differentiated influence on the components of authenticity, affecting interpersonal aspects to a greater extent. The study clarifies the conditions of authentic self-expression in different sociocultural environments and provides a basis for further cross-cultural research on authenticity.

Keywords: authenticity, dispositional authenticity, culture, images of perceived culture

Funding

The study was supported by the Russian Scientific Foundation, project № 25-18-00394, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/10465721>

For citation

Gerts A.B. Personality authenticity in a cultural coordinate system: A preliminary study in Russia and Uzbekistan. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2026, Vol. 19, No. 108, p. 6. <https://psystudy.ru>

Article address: <https://doi.org/10.54359/ps.v19i108.2213>

Received 27.11.2025

Revised 11.01.2026

Accepted 08.06.2026

Published 31.08.2026

Введение

Понятие аутентичности имеет давнюю историю. В русле экзистенциальной философии аутентичность понимается через противопоставление «подлинного» и «неподлинного» существования. Это представление было заложено в работах М. Хайдеггера. Под «неподлинностью» автор понимал жизнь по правилам безличного «Das Man» («Они»), в то время как аутентичность предполагала принятие ответственности за собственный «проект» жизни [Хайдеггер, 1997].

Ж.-П.Сартр, развивая идеи Хайдеггера, сместил акцент на этическое измерение выбора. Он видел суть аутентичности в отказе от «дурной веры» — самообмана, позволяющего человеку избежать тревоги и бремени, порождаемых его собственной радикальной свободой и ответственностью [Сартр, 2000].

С точки зрения психологии аутентичность определяется как способность личности поддерживать честный контакт с текущими обстоятельствами жизни и осуществлять авторский контроль над своей жизнью; такая позиция составляет прямую оппозицию состоянию отчужденности [Kernis, Goldman, 2006; Нартова-Бочавер и др., 2020].

В психологических исследованиях подходы к аутентичности различались, однако одним из наиболее влиятельных стал подход, рассматривающий ее как диспозициональную черту — устойчивую личностную характеристику. Ключевую роль в операционализации этого подхода сыграли Кернис и Голдман [Kernis, Goldman, 2006], разработавшие многокомпонентную модель аутентичности. Их модель, включающая осознанность (как рефлексивное понимание своих мыслей, чувств и мотивов), аутентичное поведение (как действия, согласующиеся с собственными ценностями и убеждениями, а не продиктованные исключительно внешними требованиями) и открытость в отношениях, легла в основу многочисленных эмпирических исследований и позволила перевести абстрактное философское понятие в плоскость измеримых психологических конструкторов. В контексте данной работы термины «аутентичность» и «подлинность» используются как синонимы, обозначающие эту комплексную диспозициональную характеристику.

Исследования Седикидеса и соавторов [Sedikides et al., 2017], выполненные в русле этого подхода, подчеркивают, что подлинность является центральным фактором психологического благополучия и субъективного чувства целостности.

Эмпирические данные, полученные в этом направлении, последовательно подтверждают, что высокая аутентичность положительно связана с самооценкой и удовлетворенностью жизнью, тогда как низкая — с внутренним конфликтом, самоотчуждением и эмоциональным дистрессом. Высокие показатели по компонентам модели Керниса — Голдмана (осознанность, аутентичное поведение и т.д.) являются конкретными проявлениями той самой интегрированной, непротиворечивой личности, благополучие которой описывает Седикидес.

Эти идеи нашли подтверждение и в отечественных работах. Так, Нартова-Бочавер [2022] указывает на буферную функцию аутентичности при стрессе (которая заключается в способности смягчать негативное влияние стрессоров на психологическое состояние). Важным шагом для ее изучения в российском контексте стала адаптация опросника Керниса — Голдмана [Нартова-Бочавер и др., 2021], а также разработка оригинальной Московской шкалы аутентичности (МША) [Reznichenko et al., 2021], которые позволяют исследовать проявления этого качества в различных возрастных и культурных группах.

Отечественные авторы подчеркивают, что аутентичность представляет собой личностную черту, тесно связанную с самосознанием, внутренней согласованностью и способностью человека к саморегуляции [Нартова-Бочавер и др., 2020]. Эмпирические данные показывают, что высокий уровень аутентичности коррелирует с показателями самостоятельности и низким нейротизмом: эмоционально устойчивые и независимые личности чаще демонстрируют внутреннюю согласованность, тогда как тревожные и зависимые от мнения окружающих — менее аутентичны [Нартова-Бочавер и др., 2020]. Таким образом, в современной психологии аутентичность трактуется не просто как индивидуальная особенность, а как сложное интегративное качество, обеспечивающее целостность «Я» и внутреннюю автономию (то есть способность действовать в соответствии с собственными ценностями и убеждениями, а не внешним давлением) [Нартова-Бочавер и др., 2020].

Понимание связи аутентичности с культурными контекстами требует обращения к концепции культурных ориентаций, разработанной Г.Триандисом [Триандис, 1995; Триандис, Гельфанд, 1998]. Он предложил анализировать культуры с помощью двух биполярных измерений: индивидуализм–коллективизм и горизонтальность–вертикальность. Горизонтальные культуры акцентируют

равенство и независимость, вертикальные — иерархию и статус, при этом индивидуалистические культуры сфокусированы на отдельной личности, а коллективистические — на группе людей. На пересечении этих измерений выделяются четыре типа культурных ориентаций: горизонтальный индивидуализм (ГИ) — ценность уникальности и самодостаточности; вертикальный индивидуализм (ВИ) — стремление к личному успеху и соревнованию; горизонтальный коллективизм (ГК) — акцент на солидарности и взаимной поддержке; вертикальный коллективизм (ВК) — подчинение групповым целям и готовность жертвовать личными интересами ради блага сообщества.

Модель Триандиса активно применяется в эмпирических исследованиях и позволяет точнее описывать соотношение культурных ценностей и личностных установок (см., напр., [Триандис, 1995; Триандис, Гельфанд, 1998; Yuan et al., 2024]).

Сравнение российской и узбекской культуры особенно интересно в контексте обсуждения аутентичности личности. Россия характеризуется смешением индивидуалистических и коллективистских установок: с одной стороны, сохраняется высокая значимость семьи, коллектива и социума, с другой — растет стремление к равенству, автономии и личной самореализации [Лебедева, 2021; Татарко, 2020]. В узбекской культуре, напротив, более выражена вертикально-коллективистская ориентация, основанная на уважении к старшим, сильных родственных связях, религиозных традициях и приоритете общественного согласия над индивидуальной свободой [Герц, 2025; Soler-Anguiano et al., 2023]. Согласно типологии Триандиса [1995], Узбекистан можно отнести к культурам вертикального коллективизма, где высокая социальная иерархия сочетается с чувством коллективной идентичности и готовностью к взаимопомощи. Эмпирические данные подтверждают, что узбеки демонстрируют более выраженную взаимозависимость и ориентацию на семейные и общественные нормы, в то время как россияне чаще придерживаются автономных решений и индивидуальных целей [Berry et al., 2011].

Такое различие в культурных установках может оказывать прямое влияние на переживание аутентичности. Согласно Теории самодетерминации [Ryan, Deci, 2000], базовая потребность человека в автономии, компетентности и принадлежности является фундаментом психологического благополучия и подлинного самоощущения. Когда человек действует спонтанно и по собственной воле, он чувствует себя более аутентичным [Ryan, Ryan,

2019]. Подтверждая эту идею, кросс-культурное исследование Робинсон с коллегами [2013] выявило, что связь между аутентичностью и психологическим благополучием является универсальной, однако ее проявления опосредуются культурным контекстом. В культурах с высоким социальным контролем и выраженной иерархией проявление аутентичности может быть ограничено внешними нормами и ожиданиями. Исследования показывают, что так называемая «объективация» личности, характерная для культур с сильными внешними рамками, снижает ощущение подлинности и чувство внутреннего авторства — то есть субъективную уверенность в том, что действия и решения инициируются и регулируются самим человеком [Cheng et al., 2022].

При этом кросс-культурные данные свидетельствуют, что универсальные психологические потребности — в автономии, компетентности и принадлежности — существуют во всех обществах, но их реализация приобретает различные формы в зависимости от культурного контекста [Ryan, Deci, 2000]. В индивидуалистических и горизонтальных культурах самореализация чаще выражается в личностной независимости и самовыражении, тогда как в коллективистских и вертикальных — в следовании социальным нормам, ответственности перед семьей и общиной. Следовательно, аутентичность не обязательно противоречит коллективистским ценностям: она может проявляться как согласованность внутреннего «Я» с культурно одобряемыми формами поведения [Нартова-Бочавер и др., 2020; Soler-Anguiano et al., 2023]. В российском и узбекском контексте это означает, что различия в уровнях аутентичности не сводятся лишь к степени автономии, а зависят от восприятия культурных норм, ожиданий и внутренней готовности личности быть «самой собой» в пределах своего социокультурного пространства.

Аутентичность личности — сложный и многомерный феномен, опосредованный как индивидуальными, так и культурными факторами. Она выступает индикатором внутренней согласованности и психологического благополучия, но ее проявления варьируются в зависимости от социокультурного контекста. Взаимосвязь аутентичности и типов воспринимаемой культуры позволяет понять, каким образом личность сохраняет или утрачивает чувство подлинности в обществах, различающихся по степени индивидуализма, коллективизма, вертикальности и горизонтальности.

Проблема исследования

В настоящий момент исследование роли культуры в становлении аутентичности остается фрагментарным и содержит больше вопросов, чем ответов. В частности, вызывает интерес, как конкретные типы культурных ориентаций (горизонтальный/вертикальный/индивидуализм/коллективизм) связаны с различными компонентами диспозициональной аутентичности в сравнительной перспективе, например, между такими контрастными контекстами, как Россия и Узбекистан.

В исследовании проверялись следующие гипотезы:

Гипотеза 1. Респонденты из России имеют более высокие показатели аутентичности и ее компонентов по сравнению с респондентами из Узбекистана.

Гипотеза 2. Показатели аутентичности положительно связаны с выраженностью горизонтального индивидуализма и отрицательно связаны с выраженностью вертикального коллективизма.

Процедура и методика исследования

Выборка

Всего в исследовании приняло участие 149 респондентов (74 человека из России и 75 человек из Узбекистана). Возраст респондентов составил от 18 до 35 лет ($M = 23,4$, $SD = 4,1$).

Процедура рекрутинга. Участники были набраны через социальные сети (ВКонтакте, Telegram) и студенческие сообщества в двух странах. Критериями включения были возраст от 18 до 35 лет, место проживания и этническая принадлежность

соответственно.

Критерием отнесения респондентов к узбекской или российской культурной группе являлась этническая принадлежность родителей: участник включался в соответствующую культурную группу при наличии у обоих родителей принадлежности к этносу узбеков или русских соответственно. Опрос проводился в виде анонимной онлайн-анкеты. Участие было добровольным.

Социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице 1.

Материалы

В исследовании использовались 3 методики:

1. *Московская шкала аутентичности (МША)* [Reznichenko et al., 2021] предназначена для выявления уровня аутентичности личности и включает в себя пять вопросов и одну шкалу (показатель внутренней согласованности по данным авторов $\alpha = 0,757$). Ответы оцениваются по 5-балльной шкале Лайкерта.

2. *Краткая версия Опросника аутентичности Кернуса — Голдмана* [Kernis, Goldman, 2006; адаптация Нартова-Бочавер, Корнеев, Резниченко, 2022] включает в себя 4 шкалы:

Осознанность (по данным авторов $\alpha = 0,79$) оценивает способность человека к рефлексии, пониманию своих мыслей, чувств и поведения. Она включает вопросы о том, насколько человек осознает свои внутренние процессы и может ли он анализировать свои эмоции и мотивацию.

Поведение (по данным авторов $\alpha = 0,7$) измеряет степень соответствия реального поведения человека его внутренним убеждениям и ценностям. Вопросы касаются того, как часто человек дей-

Таблица 1 / Table 1

Социально-демографические характеристики выборки / Sociodemographic characteristics of the sample

Характеристика / Characteristics	Узбекистан / Uzbekistan (n = 75)	Россия / Russia (n = 74)	Вся выборка / Total sample (N = 149)
Пол / Gender			
Мужчины / Men	32 (42,7%)	31 (41,9%)	63 (42,3%)
Женщины / Women	43 (57,3%)	43 (58,1%)	86 (57,7%)
Возраст (лет) / Age (years)			
Среднее (M) / Mean (M)	23,1	23,7	23,4
Стандартное отклонение (SD) / Standard deviation (SD)	4,2	4,0	4,1
Минимум / Minimum	18	18	18
Максимум / Maximum	35	34	35

ствуется в соответствии со своими принципами, соблюдает ли этические нормы и принимает ли ответственность за свои поступки.

Отношения (по данным авторов $\alpha = 0,79$) фокусируется на качестве межличностных отношений человека. Она исследует, насколько человек способен устанавливать глубокие и доверительные связи с другими людьми, поддерживать их и быть открытым к обратной связи.

Непредвзятость (по данным авторов $\alpha = 0,67$) направлена на оценку способности человека принимать других людей такими, какие они есть, без предвзятого отношения и стереотипов. Вопросы касаются толерантности к различным мнениям, культурным различиям и готовности учиться у окружающих.

3. *Методика оценки воспринимаемой культуры сообщества* [Галлямова, Григорьев, 2022], основанная на модели культурных ориентаций Г.Триандиса [Триандис, 1995; Триандис, Гельфанд, 1998]. Методика измеряет воспринимаемую культуру сообщества с ориентациями «горизонтальный – вертикальный» и «индивидуализм – кол-

лективизм» и включает 4 шкалы: горизонтальный индивидуализм, горизонтальный коллективизм, вертикальный индивидуализм, вертикальный коллективизм.

Статистический анализ данных проводился с использованием программы IBM SPSS Statistics 25. Для проверки межгрупповых различий применялся U-критерий Манна — Уитни, а для оценки связей между переменными — непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s) с поправкой Бенджамини — Хохберга на множественные сравнения.

Результаты

Внутренняя согласованность методик оценивалась с помощью коэффициента альфа Кронбаха. Была проведена оценка надежности методик на имеющейся выборке ($N = 149$). Результаты оценки отражены в таблице 2.

Как показали результаты (см. таблицу 2), все изучаемые переменные продемонстрировали на данной выборке приемлемую надежность ($\alpha > 0,70$),

Таблица 2 / Table 2

Показатели надежности и описательные статистики переменных / Reliability indices and descriptive statistics of variables

Методика / Шкала / Instrument / Scale	α Кронбаха / Cronbach's α	n	Me	IQR
Московская шкала аутентичности / Moscow Authenticity Scale	0,89	149	3,80	[3,20; 4,40]
Опросник аутентичности Керниса — Голдмана / Kernis — Goldman Authenticity Inventory				
Осознанность / Awareness	0,78	149	3,50	[2,88; 4,25]
Поведение / Behavior	0,73	149	3,63	[3,00; 4,25]
Отношения / Relationships	0,77	149	4,25	[3,63; 4,88]
Непредвзятость / Unbiased processing	0,75	149	3,38	[2,88; 4,00]
Методика воспринимаемой культуры [Галлямова, Григорьев, 2022] / Perceived Culture Scale [Gallyamova, Grigoriev, 2022]				
Горизонтальный индивидуализм (ГИ) / Horizontal Individualism (HI)	0,78	149	4,25	[3,75; 5,00]
Вертикальный индивидуализм (ВИ) / Vertical Individualism (VI)	0,75	149	3,25	[2,75; 4,00]
Горизонтальный коллективизм (ГК) / Horizontal Collectivism (HC)	0,75	149	4,75	[4,00; 5,50]
Вертикальный коллективизм (ВК) / Vertical Collectivism (VC)	0,76	149	2,25	[1,75; 2,88]

Примечания. Me — медиана, IQR — интерквартильный размах (межквартильный интервал), [нижний квартиль; верхний квартиль].

Таблица 3 / Table 3

Показатели аутентичности у респондентов из России и Узбекистана / Authenticity indicators among respondents from Russia and Uzbekistan

Показатель / Indicator	Группа / Group	n	Me	IQR
Московская шкала аутентичности / Moscow Authenticity Scale	Узбекистан / Uzbekistan	75	3,60	[3,20; 4,20]
	Россия / Russia	74	4,20	[3,60; 4,60]
Опросник Керниса — Голдмана / Kernis — Goldman Inventory				
Осознанность / Awareness	Узбекистан / Uzbekistan	75	3,50	[3,00; 4,12]
	Россия / Russia	74	3,88	[3,38; 4,38]
Поведение / Behavior	Узбекистан / Uzbekistan	75	3,50	[2,88; 4,12]
	Россия / Russia	74	3,75	[3,25; 4,38]
Отношения / Relationships	Узбекистан / Uzbekistan	75	4,13	[3,50; 4,75]
	Россия / Russia	74	4,50	[4,00; 4,88]
Непредвзятость / Unbiased processing	Узбекистан / Uzbekistan	75	3,25	[2,75; 3,88]
	Россия / Russia	74	3,63	[3,00; 4,25]

Примечания. Me — медиана, IQR — интерквартильный размах (межквартильный интервал), [нижний квартиль; верхний квартиль].

что позволяет считать получаемые данные валидными для достижения целей работы. При этом средние значения показателей аутентичности оказались выше у российских респондентов по сравнению с узбекскими (см. таблицу 3).

Распределение значений по обоим методикам достоверно отличаются от нормального (тест Шапиро — Уилка; для Московской шкалы аутентичности в группах Узбекистана и России: $W = 0,92$, $p < 0,001$ и $W = 0,93$, $p < 0,001$; для общего балла Опросника Керниса — Голдмана: $W = 0,94$, $p = 0,001$ и $W = 0,91$, $p < 0,001$). В связи с этим для проверки первой гипотезы был использован U-критерий Манна — Уитни. Результаты отражены в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, российские респонденты продемонстрировали достоверно более высокие значения как по общему баллу Московской шкалы аутентичности, так и по шкалам «Осознанность», «Поведение» и «Отношения» (с поправкой Бонферрони, $\alpha = 0,0125$). По шкале «Непредвзятость» различия не достигают скорректированного уровня значимости.

Связь между типами воспринимаемой культуры и уровнем аутентичности оценивалась с помощью корреляционного анализа. В связи с отклонением распределения от нормального был применен непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s). Для корректировки уровня значимости при множественных сравнениях была использована поправка Бенджамини — Хохберга.

Полученные результаты отражены в таблице 5.

Как видно из таблицы, горизонтальный индивидуализм демонстрирует достоверные умеренные положительные связи [Cohen, 1988] с Московской шкалой аутентичности и со всеми шкалами опросника Керниса — Голдмана.

Вертикальный коллективизм демонстрирует значимые слабые отрицательные связи с большинством показателей аутентичности, кроме аутентичности в отношениях. Горизонтальный коллективизм показывает слабые положительные связи с общим уровнем аутентичности (по Московской шкале), а также с такими ее аспектами, как осознанность и аутентичность в отношениях. Вертикальный индивидуализм является единственным типом культуры, не имеющим статистически значимых связей ни с одним из изучавшихся показателей аутентичности.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование было направлено на проверку двух гипотез. Гипотеза 1 предполагала, что респонденты из России имеют более высокий показатель аутентичности по сравнению с респондентами из Узбекистана. Гипотеза 2 состояла в том, что показатели аутентичности положительно связаны с выраженностью горизонтального индивидуализма и отрицательно связаны с выраженностью вертикального коллективизма.

Таблица 4 / Table 4

Сравнение показателей аутентичности у респондентов из России и Узбекистана (U-критерий Манна — Уитни) / Comparison of authenticity indicators among respondents from Russia and Uzbekistan (Mann — Whitney U test)

Показатель / Indicator	Группа / Group	n	Ср. ранг / Mean rank	Z	p	r
Московская шкала аутентичности / Moscow Authenticity Scale	Узбекистан / Uzbekistan	75	52,15	–6,38	< 0,001	0,52
	Россия / Russia	74	98,16			
Опросник Керниса — Голдмана / Kernis — Goldman Inventory	Узбекистан / Uzbekistan	75	62,15	–3,45	< 0,001	0,28
	Россия / Russia	74	88,09			
Поведение / Behavior	Узбекистан / Uzbekistan	75	65,01	–2,72	0,003	0,22
	Россия / Russia	74	85,15			
Отношения / Relationships	Узбекистан / Uzbekistan	75	58,28	–4,52	< 0,001	0,37
	Россия / Russia	74	92,01			
Непредвзятость / Unbiased processing	Узбекистан / Uzbekistan	75	68,37	–2,08	0,019	0,17
	Россия / Russia	74	81,76			

Примечания. Величина эффекта (r) интерпретируется как: 0,1 — малый, 0,3 — средний, 0,5 — большой эффект.

Таблица 5 / Table 5

Корреляции между показателями воспринимаемой культуры и показателями аутентичности (r_s Спирмена) / Correlations between perceived culture indicators and authenticity indicators (Spearman's r_s)

Показатель аутентичности / Authenticity indicator	ГИ / HI	ВИ / VI	ГК / HC	БК / VC
Московская шкала аутентичности / Moscow Authenticity Scale	0,39*	0,08	0,21*	–0,25*
Опросник Керниса — Голдмана / Kernis — Goldman Inventory				
Осознанность / Awareness	0,33*	0,01	0,19*	–0,19*
Поведение / Behavior	0,28*	0,07	0,14	–0,18*
Отношения / Relationships	0,25*	0,04	0,17*	–0,15
Непредвзятость / Unbiased processing	0,22*	0,06	0,12	–0,18*

Примечания. Представлены коэффициенты корреляции Спирмена (r_s). В столбцах указаны шкалы методики оценки воспринимаемой культуры [Галлямова, Григорьев, 2022]: ГИ — горизонтальный индивидуализм, ВИ — вертикальный индивидуализм, ГК — горизонтальный коллективизм, БК — вертикальный коллективизм. * $p < 0,05$.

Первая гипотеза нашла свое частичное подтверждение. Российские респонденты продемонстрировали более высокие показатели аутентичности по сравнению с узбекскими респондентами. Этот результат согласуется с данными исследований, выявивших относительно высокий уровень аутентичности в российском культурном контексте [Nartova-Bochaver

et al., 2021]. Величина выявленных различий позволяет говорить о существенности межкультурных различий, что соответствует представлениям о более выраженной ориентации на автономию и самореализацию в российском культурном пространстве [Лебедева, Татарко, 2007; Докучаева, Арестова, 2022]. Сравнение российских и узбекских респондентов

по компонентам аутентичности выявило дифференцированный паттерн различий. Наиболее выраженные различия обнаружены в компоненте «Отношения»: российские респонденты в большей степени воспринимают свои отношения как аутентично основанные на истинном «Я». Это отражает влияние культурных ориентаций. В индивидуалистических культурах люди имеют большую свободу для самовыражения [Triandis, 2001], тогда как в коллективистских культурах люди подстраивают поведение под социальные роли [Triandis, Gelfand, 1998; Kito, 2005], что может ограничивать проявление подлинности в отношениях. Компонент «Поведение» также показал значимые различия, что соответствует ожиданиям о большей выраженности аутентичного поведения в российской выборке. Компонент «Осознанность» также продемонстрировал значимые кросс-культурные различия. Этот результат может указывать на то, что культура влияет не только на социально-предъявляемое поведение, но и на глубину и характер рефлексивного самопонимания. В культурах, более поощряющих автономию и самоанализ, может формироваться более развитая и дифференцированная способность к осознанию своих мотивов и состояний. Компонент «Непредвзятость» показал наименьшие различия, что согласуется с представлением о его относительно большей кросс-культурной инвариантности как базовой установке принятия себя. Согласно определению авторов адаптации опросника, «непредвзятость предполагает способность человека без искажений воспринимать даже малоприятную информацию о себе, не создавая избыточных психологических защит» [Нартова-Бочавер и др., 2022, с. 155]. Это определение позволяет рассматривать «Непредвзятость» как базовый компонент самооценки, аналогичный тому, что Хайне и Хамамура [2007] определяют как имплицитные компоненты самооценки. Вместе с тем, согласно метаанализу авторов, именно базовые компоненты имеют тенденцию демонстрировать большую кросс-культурную инвариантность по сравнению с поведенческими и социальными аспектами личности. Таким образом, значимые различия выявлены по трем компонентам — «Отношения», «Осознанность» и «Поведение», тогда как компонент «Непредвзятость» оказался наиболее сходным в двух культурах. Это согласуется с представлением о том, что культура сильнее влияет на социально-предъявляемые аспекты «Я», но также в заметной степени затрагивает и его рефлексивные компоненты [Triandis, 2001]. Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что культурный контекст по-разному влияет на отдельные компоненты аутентичности.

Проверка второй гипотезы была проведена через

анализ связей между показателями аутентичности и типами воспринимаемой культуры. Обнаруженные устойчивые умеренные положительные связи горизонтального индивидуализма со всеми аспектами аутентичности и столь же устойчивые отрицательные связи вертикального коллективизма полностью соответствуют теоретическим прогнозам, вытекающим из модели культурных синдромов Триандиса [Triandis, 1995]. Интересным результатом работы являются положительные связи горизонтального коллективизма с показателями аутентичности. Этот результат согласуется с современным пониманием аутентичности как феномена, имеющего не только индивидуальное, но и социальное измерение [Нартова-Бочавер и др., 2020]. Полученные данные позволяют предположить, что аутентичность не обязательно противоречит коллективистским ценностям, если они имеют горизонтальный (эгалитарный) характер, в котором члены группы рассматриваются как равные и ценятся взаимная поддержка и солидарность [Soler-Anguiano et al., 2023; Song et al., 2022]. В условиях горизонтального коллективизма люди имеют свободу для выражения своих истинных убеждений при согласованности с групповыми целями [Kito, 2005]. Это позволяет аутентичности проявляться через согласованность внутреннего «Я» с культурно одобряемыми формами поведения [Soler-Anguiano et al., 2023]. Примечательно, что вертикальный индивидуализм не показал значимых связей ни с одним показателем аутентичности. Очевидно, что иерархические формы самовыражения менее связаны с подлинностью личности. С точки зрения ряда авторов, вертикальный индивидуализм характеризуется стремлением к уникальности и достижению статуса через конкуренцию [Triandis, Gelfand, 1998; Soler-Anguiano et al., 2023]. В этих условиях вертикальный индивидуализм может скорее способствовать демонстрации уникальности, но не обязательно аутентичному выражению истинного «Я». Полученные данные указывают, что горизонтальная (эгалитарная) ориентация, независимо от вектора индивидуализм/коллективизм, выступает более благоприятным контекстом для аутентичности, чем вертикальная. Таким образом, гипотеза 2 нашла подтверждение.

Выводы

Выявлены достоверные кросс-культурные различия в аутентичности между российскими и узбекскими респондентами. Российская выборка демонстрировала более высокие показатели,

чем узбекская, во всех компонентах, кроме «Непредвзятости».

Вертикальный индивидуализм не продемонстрировал значимых связей с аутентичностью, что указывает на несовместимость подлинности и конкурентного стремления к уникальности.

Горизонтальный коллективизм положительно связан с аутентичностью, что свидетельствует о возможности достижения подлинности в рамках эгалитарных коллективистских ценностей.

Ограничения и перспективы исследования

Проведенное исследование имеет ряд ограничений. Выборка была уравнена по полу и возрасту, однако другие важные социально-демографические характеристики (социально-экономический статус, уровень образования, степень урбанизации) не контролировались.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

- проведение исследования на репрезентативных выборках с контролем ключевых социально-демографических параметров;
- включение в анализ дополнительных переменных, таких как социально-экономический статус и религиозность;
- проведение конфирматорного факторного анализа для проверки инвариантности измерений в разных культурах;
- расширение кросс-культурного контекста за счет включения других стран с различными культурными ориентациями;
- использование лонгитюдного дизайна для установления причинно-следственных связей между воспринимаемой культурой и аутентичностью.

Литература / References

Галлямова, А. А., & Григорьев, Д. С. (2022). Разработка методики оценки воспринимаемой культуры сообщества на основе культурной ориентации «горизонтальный/вертикальный индивидуализм–коллективизм» Г. Триандиса. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 19(3), 429–447. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-429-447>

Gallyamova, A. A., & Grigoriev, D. S. (2022). Development of a method for assessing perceived community culture based on H. Triandis's horizontal/vertical individualism–collectivism cultural orientation. RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 19(3), 429–

447. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-429-447> (In Russian)

Герц, А. Б. (2025). Образ родителей у людей с разным уровнем диспозициональной аутентичности: предварительное исследование. Психологические исследования, 18(99), 1–15. <http://psystudy.ru>

Gerts, A. B. (2025). Parental images among individuals with different levels of dispositional authenticity: A preliminary study. Psychological Studies, 18(99), 1–15. (In Russian) <http://psystudy.ru>

Лебедева, Н. М. (2021). Сравнительное исследование социального капитала и экономических установок в культурах Запада и Востока. Психологический журнал, 42(3), 47–58. <https://doi.org/10.31857/S020595920014917-8>

Lebedeva, N. M. (2021). Comparative study of social capital and economic attitudes in Western and Eastern cultures. Psikhologicheskii Zhurnal, 42(3), 47–58. <https://doi.org/10.31857/S020595920014917-8> (In Russian)

Нартова-Бочавер, С. К., Ирхин, Б. Д., & Резниченко, С. И. (2020). Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 17(3), 500–519. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-500-519>

Nartova-Bochaver, S. K., Irkhin, B. D., & Reznichenko, S. I. (2020). Dispositional authenticity in intrapersonal space. Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 17(3), 500–519. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-500-519> (In Russian)

Нартова-Бочавер, С. К., Корнеев, А. А., & Резниченко, С. И. (2022). Краткая версия Опросника аутентичности Керниса–Голдмана: адаптация в России. Консультативная психология и психотерапия, 30(3), 150–171. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309>

Nartova-Bochaver, S. K., Korneev, A. A., & Reznichenko, S. I. (2022). Short version of the Kernis–Goldman Authenticity Inventory: Adaptation in Russia. Counseling Psychology and Psychotherapy, 30(3), 150–171. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309> (In Russian)

Нартова-Бочавер, С. К., & Пак, В. В. (2022). Аутентичность и способность прощать при разных уровнях стресса: предварительное исследование. Клиническая и специальная психология, 11(1), 141–163. <https://psyjournals.ru/psyclin/>, <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110108>

Nartova-Bochaver, S. K., & Pak, V. V. (2022). Authenticity and forgiveness under different stress levels: A preliminary study. Clinical Psychology and Special Education, 11(1), 141–163. (In Russian) <https://psyjournals.ru/psyclin/>, <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110108>

Роджерс, К. (1994). Взгляд на психотерапию. Становление человека. Прогресс.

Rodgers, C. (1994). A look at psychotherapy. Becoming a person. Progress. (In Russian)

Сартр, Ж.-П. (2000). Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии (В. И. Колядко, пер.). АСТ.

Sartre, J.-P. (2000). Being and nothingness: An essay on

phenomenological ontology (V. I. Kolyadko, Trans.). AST. (In Russian)

Татарко, А. Н. (2020). Социальный капитал и экономические установки российских студентов. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 17(2), 243–260. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-2-243-260>

Tatarko, A. N. (2020). Social capital and economic attitudes among Russian students. RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 17(2), 243–260. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-2-243-260> (In Russian)

Триандис, Х. (1995). Индивидуализм и коллективизм. Аспект-Пресс.

Triandis, H. (1995). Individualism and collectivism. Aspekt-Press. (In Russian)

Хайдеггер, М. (1997). Бытие и время (В. В. Бибихин, пер.). Ad Marginem.

Heidegger, M. (1997). Being and time (V. V. Bibikhin, Trans.). Ad Marginem. (In Russian)

Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Breugelmans, S. M., Chasiotis, A., & Sam, D. L. (2011). Cross-cultural psychology: Research and applications (3rd ed.). Cambridge University Press.

Cheng, L., Li, Z., Hao, M., Zhu, X., & Wang, F. (2022). Objectification limits authenticity: Exploring the relations between objectification, perceived authenticity, and subjective well-being. British Journal of Social Psychology, 61(2), 622–643. <https://doi.org/10.1111/bjso.12509>

Cohen, J. (1988). Statistical power analysis for the behavioral sciences (2nd ed.). Lawrence Erlbaum Associates.

Heine, S. J., & Hamamura, T. (2007). In search of East Asian self-enhancement. Personality and Social Psychology Review, 11(1), 4–27. <https://doi.org/10.1177/1088868306297299>

Kernis, M. H., & Goldman, B. M. (2006). A multicomponent conceptualization of authenticity: Theory and research. Advances in Experimental Social Psychology, (38), 283–357. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)38006-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)38006-9)

Kito, M. (2005). Self-disclosure in romantic relationships and friendships among American and Japanese college students. The Journal of Social Psychology, 145(2), 127–140. <https://doi.org/10.3200/SOCP.145.2.127-140>

Nartova-Bochaver, S., Reznichenko, S., & Maltby, J. (2021). The authenticity scale: Validation in Russian culture. Frontiers in Psychology, (11), Article 609617. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.609617>

Reznichenko, S. I., Nartova-Bochaver, S. K., & Irkhin, B. D. (2021). Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms. Psychology in Russia: State of the Art, 14(3), 81–102. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0306>

Robinson, O. C., Lopez, F. G., Ramos, K., & Nartova-Bochaver, S. (2013). Authenticity, social context, and

well-being in the United States, England, and Russia: A three-country comparative analysis. Journal of Cross-Cultural Psychology, 44(5), 719–737. <https://doi.org/10.1177/0022022112465672>

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. American Psychologist, 55(1), 68–78. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>

Ryan, W. S., & Ryan, R. M. (2019). Toward a social psychology of authenticity: Exploring within-person variation in autonomy, congruence, and genuineness. In A. DeCoster & S. J. Pittman (Eds.), Self and social identity (pp. 27–51). Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780429494998-2>

Sedikides, C., Slabu, L., Lenton, A. P., & Thomaes, S. (2017). State authenticity as fit to environment: How authentic states enhance subjective authenticity and adjustment. Journal of Personality and Social Psychology, 112(5), 684–699. <https://doi.org/10.1037/pspp0000100>

Soler-Anguiano, F. L., Rivera-Aragón, S., & Díaz-Loving, R. (2023). Cross-cultural measurement invariance evidence of individualism and collectivism: From the idiosyncratic to universal. Frontiers in Psychology, (14), Article 1163349. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1163349>

Song, J., Zheng, Y., Liu, X., & Wei, L. (2022). The effects of traditional concepts on personal values: The case of Chinese young adults. Frontiers in Psychology, (13), Article 872768. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.872768>

Triandis, H. C. (2001). Dimensions of cultural variation as parameters of organizational cultures. International Studies of Management & Organization, 31(4), 139–169. <https://doi.org/10.1080/00208825.2001.11656799>

Triandis, H. C., & Gelfand, M. J. (1998). Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. Journal of Personality and Social Psychology, 74(1), 118–128. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.1.118>

Wood, A. M., Linley, P. A., Maltby, J., Baliousis, M., & Joseph, S. (2008). The authentic living scale: A self-report measure of authenticity. Journal of Counseling Psychology, 55(3), 385–399. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.55.3.385>

Yuan, Y., Du, J., Yang, K., Ge, Y., Ma, Y., Mao, H., Xiang, M., & Wu, D. (2024). Relationship between horizontal collectivism and social network influence among college students: Mediating effect of self-monitoring and moderating effect of self-efficacy. Frontiers in Psychology, (15), Article 1424223. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1424223>

Сведения об авторе

Герц Адела Бахтиёровна. Выпускник аспирантуры департамента психологии, Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», ул. Мясницкая,
д. 20, 101000 Москва, Россия.
E-mail: a.khalikova@hse.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about author

Adela Bakhtiyorovna Gerts. Graduate of the
PhD Program, Department of Psychology,
National Research University Higher School
of Economics, 20 Myasnitskaya str., 101000
Moscow, Russia.
E-mail: a.khalikova@hse.ru

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.